

12+

НАТАЛЬЯ ТОМАСЕ

872 ДНЯ,

КОТОРЫЕ НЕВОЗМОЖНО ЗАБЫТЬ

Наталья Томасе

**872 дня, которые
невозможно забыть**

«Издательские решения»

Томасе Н.

872 дня, которые невозможно забыть / Н. Томасе —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699906-0

Мы часто жалуемся на жизнь, на мелочи, на неудобства, на то, что что-то идёт не так. Но рядом с тем, что пережили они, наши беды — лишь тени. Это эмоциональная исповедь, в которой нет героев по именам, но есть чувства, которые переживали тысячи.

ISBN 978-5-00-699906-0

© Томасе Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

872 дня, которые невозможно забыть

Наталья Томасе

© Наталья Томасе, 2026

ISBN 978-5-0069-9906-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Идея этого рассказа родилась благодаря моей дочери — ребёнку, появившемуся на свет спустя полвека после тех 872 дней, которые стали для Ленинграда испытанием на грани человеческих возможностей.

Однажды она позвонила мне и сказала, что у неё есть идея для моей книги. И эта повесть — её мысли, её эмоции, её боль и её сострадание, которые просто обрели форму в моих словах.

Она говорила мне о том, что не может представить, как жили люди, когда вокруг — холод, голод, тишина, когда каждый день был борьбой за жизнь.

И в её голосе было то самое чувство, которое невозможно придумать — оно приходит только изнутри, когда ты вдруг понимаешь, что чужая трагедия становится твоей личной.

И тогда я понял: эта история должна быть написана.

Не ради литературы.

Не ради памяти даже — хотя память важна.

А ради того, чтобы мы, живущие сегодня, перестали жаловаться на свою «плохую жизнь», на мелочи, на неудобства, на то, что что-то идёт не так. Потому что рядом с тем, что пережили ленинградцы, наши беды — лишь тени.

И если они смогли пройти через ад, то, может быть, и мы способны хотя бы перестать ныть и начать ценить то, что имеем.

Глава 1

Я не сразу понял, что произошло. Просто в какой-то момент начали меняться звуки вокруг.

Сначала появился новый — тот, которого раньше не было. Его трудно было узнать: он приходил издалека, нарастал медленно, будто не решаясь приблизиться. Люди останавливались, прислушивались, но ещё не расходились.

Потом он стал ближе.

Я помню, как тысячи глаз впервые поднялись к небу одновременно — словно по невидимой команде.

После этого вокруг стало громче. Но уже не от голосов. Воздух начал рваться. Сначала где-то в стороне, потом всё ближе и ближе. Звук ударялся о стены и возвращался, становясь сильнее. Я не сразу понял, откуда он берётся, но чувствовал, как он проходит сквозь меня.

В тот день, когда пришёл этот звук, многие не вернулись домой. Потому что вместе со звуком пришло разрушение.

Стены домов трескались, осыпались, падали — и вокруг стоял такой грохот, что мне казалось, будто ломаются мои собственные кости.

Я не понимал, что происходит, только чувствовал, как мир вокруг меня становится другим — резким, рвущим, оглушающим.

А вечером стало светлее, чем должно быть.

Сначала это был просто отсвет — неровный, колеблющийся, будто где-то далеко зажгли слишком яркий фонарь. Он ложился на стены, цеплялся за окна, и люди выходили посмотреть, не понимая, что именно изменилось.

Потом свет стал сильнее.

Я видел, как люди останавливались прямо на улице, поднимали головы, щурились. Кто-то говорил, что это склад. Кто-то — что просто пожар. Слова звучали спокойно, почти буднично, будто от того, как назвать, зависело, насколько это серьёзно.

Запах пришёл позже.

Сначала едва заметный, сладковатый, непривычный. Люди втягивали воздух, пытаясь угадать, что именно горит. Кто-то даже сказал, что пахнет хлебом.

Тогда ещё никто не понял, что это действительно значит.

Огонь держался долго. Он не гас к ночи, как бывало раньше. Наоборот — становился ярче, тяжелее, будто не хотел отпускать то, что уже взял. Свет от него не грел. Он только делал всё вокруг чужим и плоским.

Я запомнил, как люди молча стояли и долго смотрели.

На следующий день об этом говорили везде. Не прямо — осторожно, будто слова могли что-то ускорить. Сначала вполголоса, потом короче, почти без лишней лексики. Да и сами слова изменились: их стало меньше, но в них появилось больше смысла.

Утром у магазинов стали собираться раньше обычного. Люди стояли молча, не глядя друг на друга, как будто каждый пришёл по своей причине и не хотел, чтобы её назвали вслух. Очереди вытягивались медленно. Никто не спрашивал, хватит ли им.

И почти перестали говорить о завтра. А если и говорили, то тихо, вполголоса — как будто не для ответа.

Вокруг вообще стало тише. Не так, как после налётов. Тишина была вязкая, будто воздух стал тяжелее и двигался медленнее.

Молчаливее стали улицы. Иногда из приоткрытых окон доносилась скрипка и обрывки фраз — разные голоса читали вслух, как это делали раньше по вечерам. Теперь читали тише, но всё так же аккуратно, будто слова могли удержать порядок.

Люди стали говорить шёпотом, будто боялись разбудить что-то за пределами города. Потом исчезли запахи.

Раньше они были всегда — хлеба, дыма, мокрой одежды, супа, который кто-то разогревал на плитке. Они смешивались, спорили друг с другом, жили своей жизнью. А потом вдруг пропали. Остался только холодный воздух, в котором нечему было держаться.

Люди стали ходить медленнее.

Не потому что устали — усталость была и раньше. А потому что внутри у них что-то пустело. Я видел, как они останавливались, будто забывая, куда шли. Как долго стояли у закрытых дверей булочных, не решаясь уйти. Как смотрели на свои ладони, словно там могло появиться что-то, чего не хватало.

И я тоже чувствовал это. Не сразу — сначала как лёгкое сжатие, как будто внутри стало меньше места. Потом — как тянущее ощущение, которое не отпускало ни днём, ни ночью. Оно не болело, но жгло. Оно просто было. И чем дальше, тем сильнее.

Я помню, как однажды утром я понял, что изменился звук шагов вокруг. Он стал легче, тише, будто люди стали весить меньше. И в этот момент я впервые понял, что это не просто усталость. Это — другое.

Это начинающийся голод.

Он пришёл не сразу, но когда пришёл, то остался. И с каждым днём становился частью всего — разговоров, движений, взглядов. Даже тишины.

Я начал замечать это не сразу.

Сначала — в движениях. Люди всё ещё ходили по улицам, но шаги стали другими. Не медленнее — тише. Как будто каждый старался не тревожить землю под собой. Или как будто земля сама стала мягче, уступчивее, и звук шагов проваливался в неё, не возвращаясь.

Потом изменились лица.

Не выражения — они исчезли первыми. А сами лица. Скулы стали резче, глаза — больше, темнее. Казалось, что взгляд занимает больше места, чем человек, который его носит. Люди смотрели друг на друга дольше, чем раньше, но в этих взглядах не было ни просьбы, ни жалобы — только усталое признание того, что все чувствуют одно и то же.

Разговоры стали короче.

Не потому что нечего было сказать — наоборот, слов было слишком много, но они стали тяжёлыми, как будто каждое требовало сил, которых уже не было. Люди говорили только самое нужное. Иногда — только кивали. Иногда — просто стояли рядом, и этого было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.